

Е. И. ХАРИТОНЕНКО

**ЛЕРМОНТОВСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В РОМАНЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**

Исследованию приемов цитирования Достоевским лермонтовских текстов посвящены работы В.Е. Холшевникова и М.Г. Гиголова¹. Особый интерес вызывает статья Р.Г. Назирова о реминисценциях и парафразах в “Преступлении и наказании”, большая часть которой посвящена вопросам функционирования “лермонтовского элемента” в произведениях Достоевского². Все эти интересные наблюдения пока не сведены в систему. Целью данной работы является поиск и анализ лермонтовских реминисценций на материале одного романа Достоевского. Условно они могут быть разделены на три класса, означающие соотнесенность с определенной темой: нищеты, убийства, разоблачения властной “демонической” личности.

1. Разговор Мармеладева с Раскольниковым при первой их встрече играет значительную роль в развитии сюжета, он служит введением в глобальную, разрастающуюся в дальнейшем тему нищеты: “Милостивый государь,... бедность не порок, это истина Но нищета, милостивый государь, нищета – порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто”³. Этот монолог можно считать парафразой исповеди лермонтовского Вадима. Но был ли Достоевский знаком с текстом незавершенного романа, который впервые был опубликован только в 1873 году. Выскажем предположение, что писатель, как и в случае с “Княгиней Лиговской”, читал рукопись. В 1858 году в “Атенее” появилось упоминание о романе, следовательно, Достоевский мог заинтересоваться историей нищего времен Екатерины II еще до написания “Преступления и наказания”⁴. Косвенным доказательством влияния может быть перекрещивание основных сюжетных линий двух романов. Инвариантный ряд образов: “развратник - его жена - их воспитанница - ее брат, “демоническая личность” - идеальный жених”, - реализуется у Достоевского в линии Свидригайлова, Марфы Петровны, Дуни, Раскольникова и Разумихина, у Лермонтова же в образах Палицына, Натальи Сергеевны, Ольги, Вадима и Юрия. Вернемся к тексту “Вадима”. В начале романа при встрече с нищим калекой герой произносит: “Итак, есть состояние, в котором безобразия не порок”⁵. Отсюда вывод, близкий обоим писателям: человек, чье сознание разъедено мыслью о нищете, о низменности собственного существования, психологически готов к разрушению любых “преград”. Образ нищего становится воплощением зла, порока, разврата, греха всего мира.

2. Существует традиция соотносить образы старухи-процентщицы и старой графини из “Пиковой дамы” Пушкина⁶. Попробуем расширить круг прообразов. У Достоевского это “...крошечная сухая старушонка,.. с вострыми и злыми глазками... На ее тонкой и длинной шее... навертчено какое-то тряпье, а на пле-

¹ Холшевников В.Е. О литературных цитатах у Достоевского // Вестник Лен-ингр. ун-та. Сер. Истории, яз. и лит.; 1960, № 8; Вып.2. – С. 134-138. Гиголов М.Г. Лермонтовские мотивы в творчестве Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л.Т.6, 1985. С.4072.

² Назиров Р.Г. Реминисценция и парафраза з “Преступлении и наказании”//Достоевский: Материалы и исследования. Л.Т.2, 1976. С.94-95.

³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 тт. Т. 6. С. 13.

⁴ Меринский А.М. Воспоминания о Лермонтове // Атеней. 1858, №49. С.286-305.

⁵ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4 тт. М., «Художественная литература», 1975. Т. 4.

⁶ Альман М. Видение Германа. Пушкин и Достоевский // Slavia 1930. Т. 9. С. 792-800; Бем А.Л. Гоголь и Пушкин в творчестве Достоевского. Отражение «Пиковой дамы» // Slavia 1928. Т. 13. Кн. 1. С. 82-100.

чах... истрепанная и пожелтевшая меховая кацавейка" (VI, с. 8). Вот описание лермонтовской старухи-нищенки: "... старушка низенькая, сухая, с большим брюхом,.. полусиний сарафан, составленный из тысячи гадких лохмотьев, висел криво и косо,.. вздернутый нос, огромный рот... ничего не значили в сравнении с глазами нищенки: вообразите два серые кружка, прыгающие в узких щелях, обведенных красными каймами, ни ресниц, ни бровей!.." (IV, 193). Алена Ивановна, несмотря на свое богатство, является воплощением нищеты в значении порока: она чужую жизнь заедает (из разговора в трактире). Вадим, в свою очередь, в глазах нищенки прочел целую повесть разврата и преступлений. В обоих случаях мотив для убийства был найден.

3. Тема убийства в произведениях Лермонтова и Достоевского включает в себе следующие варианты: идейное убийство, непреднамеренное убийство, гибель или возможность смерти от задавливания лошадьми. Вадим просто отталкивает от себя старуху. При падении она умирает. Он тут же уходит, не замечая содеянного. В этом смысле он – идеал Раскольникова, которому также хотелось "стряхнуть" "вошь" и идти дальше без сомнений. Случайное убийство вводит в произведение мотив рока. Убийство Раскольниковым Лизаветы, не имеющее отношения к его теории, развенчивает как саму теорию, так и ее создателя. Мысль о немогущести человеческого разума посещает Вадима, когда вместо ненавистного ему Юрия он убивает ударом по голове кроткого, преданного господам Федосея: "... он понял, что теперь боролся уже не с людьми, но с провидением, смутно предчувствовал, что если даже останется победителем, то слишком дорого купит победу" (IV, 229). Мотив рока актуализируется образом Неизвестного, знающего об убийстве. Принято сравнивать данный образ из "Маскарада" с образом мещанина, говорящего Раскольникову: "Ты убивец". Но в обрисовке фантастических элементов Достоевский ориентировался на тексты "Пиковой дамы", "Штосса", "Тамани". Дополнение портретной характеристики мещанина такими деталями, как "шаркающие туфли", халат, угрюмый взгляд создавало определенные ассоциации с подобными описаниями в отрывке "У граф. В ... был музыкальный вечер".

В "Преступлении и наказании" несколько раз повторяется ситуация, когда герой рискует быть раздавленным лошадьми. Раскольников чуть было не сделался жертвой собственной рассеянности. "Задавлен бедностью": это первое, что мы узнаем о герое в начале романа. Его своеобразный двойник Мармеладов самым трагическим образом погибает, задавленный экипажем одного значительного лица. В черновиках романа сохранилась запись, согласно которой Катерина Ивановна бросает 10 рублей "в рожу" господину, раздавившему ее мужа и, вероятно, оскорбившему их достоинство (VII, 155). Подобная ситуация типологически близка к завязке "Княгини Литовской". Чиновник Красинский, попавший под тройку Печорина, становится его злейшим врагом, долго и страстно разжигает свою ненависть. И у Лермонтова, и у Достоевского данный эпизод означает причастность героя к миру зла, любования пороком непощения.

“Каиновы” сомнения подавляются той же бессловесной инстинктивной силой терпения, которой и вызваны. Каждая подобная ситуация оценивается как предупреждение. Достоевский не мог рассчитывать на сознательную апелляцию читателя к тексту Лермонтова (“Княгиня Литовская” была опубликована в 1882 году), но в его сознании могла сформироваться устойчивая связь между эпизодом “задавления” и образом демонической, бунтующей личности, что отразилось в “Бесах”⁷.

В наиболее известных произведениях Лермонтова (“Герой нашего времени”, “Маскарад”) частично заложены основные проблемы “Преступления и наказания”. Вспомним исповедь Печорина: “...я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных. И с той поры сколько раз уже играл роль "топора руках судьбы! Как орудие казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаленья”... (IV, 117). Роль палача, избранная исключительно по причине прихоти страстей, не приносит ничего, кроме душевного опустошения. Это ли не мысль Достоевского. В “Маскараде”, напротив, кроется психологическая мотивировка отказа от желаемо убийства. Замысел Арбенина убить Князя Звездича в его спальне завершается следующим монологом: “Не могу! Да это свыше сил и воли!.. Я изменил себе, я задрожал. Впервые во всю жизнь... Беги, красней, презренный человек. Тебя, как и других, к земле прижал наш век. Ты пред собой лишь хвастался, как видно”... (III, 66).

3. В третьей редакции романа, раскрывая основную идею, Достоевский писал: “В его образе выражается мысль непомерной гордости, высокомерия и презрения к этому обществу... В художественном исполнении не забыть, что ему 23 года” (VII, 154). Двадцать три года было лермонтовскому Печорину. Разумихин характеризует Раскольниковым следующим образом: угрюм, надменен, ипохондрик, не любит высказывать своих чувств, иногда ужасно неразговорчив, в нем два противоположных характера поочередно сменяются. Все это можно отнести к многим героям Лермонтова (Печорину, Арбенину, Вадиму).

Необычная переменчивость характера, склонность к демоническому хохоту - это черты, которыми в “Дневнике” Достоевского охарактеризован сам поэт: “Он мстил и прощал, он писал и хохотал – был великодушен и смешон... Он нас как бы мистифицировал (XX, 58-59). В описаниях Раскольникова доминируют те же черты: неподвижность, окаменение резко сменяется нервным хохотом. Зосимов поясняет эту особенность следующим образом: “...в больном заметна .какая-то неподвижная мысль, что-то обличающее монотипию” (VI, 153). Лермонтов мотивирует подобное состояние глубоким внутренним страданием. Его герои часто подчинены одной всепоглощающей идее, например, Вадим имел душу, над которой одна единственная мысль могла приобретать неограниченную власть, Арбенин

⁷ Балагин А.П. Читал ли Достоевский «Княгиню Литовскую»? // Достоевский: Материалы к исследованию. Л.Т.З.. 1973. С. 205-209.

из “Странного человека” часто чувствовал, что одна единая мысль владела его существом.

Необходимость страдания как основного закона нашей планеты – основная мысль “Преступления и наказания”. В разговоре с Разумихиным и Порфирием Петровичем Раскольников утверждает: “Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди... должны ощущать на свете великую грусть” (VI, 203). Достоевский особо выделил, что все это было сказано задумчиво, “даже не в тон разговора”. Отрывок воспринимается, как чужой, уже знакомый читателю текст. Вспомним: “... спокойствие часто признак великой, хотя скрытой силы, душа, страдая и наслаждаясь, дает во всем себе строгий отчет и убеждается в том, что так должно... Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие божие” (IV, 92). Комментируя этот монолог Печорина, В.Г.Белинский охарактеризовал путь к истине, как путь через аравийскую пустыню. В романе данный образ встречается дважды и оба раза в связи с лермонтовским контекстом. Р.Г.Назирова выделил аллюзию на “Три пальмы” в начале романа (сон Раскольникова) и цитирование лермонтовского “Сна” (“в полдневный жар”) Катериной Ивановной в конце. Крестный путь семьи Мармеладовых, как и в случае с мотивом “задавления лошадьми”, отзеркаливается в судьбе Раскольникова. Но этот ряд двойников в данном случае дополняется литературными предшественниками. Идиллический сон Раскольникова в момент “до убийства” осложняется трагической ассоциацией с комплексом мотивов “Трех пальм”: взаимоотношения человека с окружающим миром, довление родового греха, грех роптания, жалобы на судьбу.

В монологе Печорина «А ведь есть необъяснимое наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души!» значительная роль отведена описанию страстей: «Страсти не что иное, как идеи при первом своем развитии» (IV, 92). Раскольников – идеолог. Но в романе у него есть двойник, всецело преданный страстям. Это Свидригайлов. В своих рассуждениях о природе разврата он отчасти напоминает Печорина, но скорее, он его оппонент. Этот образ создает прочные аллюзии на лермонтовский “Маскарад”, но близок он не Арбенину, а его тайному врагу, Неизвестному: “Это было какое-то странное лицо, похожее как бы на маску”. На вопрос Раскольникова, игрок ли он, Свидригайлов отвечает: “Нет, какой я игрок. Шулер – не игрок”. Этот диалог – обыгрывание текста Лермонтова. Во-первых, он шаржирует заявление Арбенина: “Я – игрок!” в ответ на вопрос, демон ли он, или человек. Во-вторых, он ассоциируется с мотивом “брошенной. и невозвращенной перчатки”: Арбенин, желая отомстить, бросает князю Звездичу обвинение: “Вы – шулер” и оставляет противника без удовлетворения.

Анализ функционирования чужого текста в произведениях Достоевского часто выявлял склонность писателя к произвольному пользованию сюжетами, деталями, а также к “перетолковыванию” образов. Лермонтовские реминисценции, аллюзии, парафразы, цитаты в “Преступлении и наказании” выполняют иную смысловую нагрузку. Результатом анализа могут быть следующие выводы:

- Достоевский часто выступал как преемник Лермонтовских тем, мотивов, идей; творчество Лермонтова – один из наиболее авторитетных претекстов Достоевского;

- героев Лермонтова и Достоевского связывают сложные отношения двойничества, причем такие отношения устанавливаются в связи с совершенно определенными сюжетными решениями;

- между текстами Достоевского и Лермонтова устанавливаются отношения прямого диалога, корреспондирующие с традиционными схемами «скрытого» цитирования.

устанавливается режим духовной и физической деспотии.

Несомненное идейное влияние Достоевского на автора романа "Дети Сатаны" сказалось в том, что социализм Пшибышевским понят именно как "шигалевщина", и всеобщее равенство, базирующееся на обязательном выполнении "разумных" законов, представляется ему всеобщей унификацией и подчинением. На уровне содержания здесь происходит практически прямое заимствование, когда в идейную полемику анархиста Гордона с социалистами Гартманом, Ботко из "Бесов" переносится вводимая Шигалевым проблема роли души, разума и науки в жизни общества, шатовское видение революционеров (как ненавидящих все "мозгом" "людей из бумажки"), и многое другое, вплоть до речевых оборотов и определений, а в сюжетную линию вплетается мотив

убийства как принесения жертвы на алтарь общего дела и залогом "кровой" поруки.

Двигаясь по пути, на котором веками стали образы Верховенского и Ставрогина, Пшибышевский в "Детях Сатаны" обращается к психологии и философии анархо-индивидуализма. Сатанист Гордон и его предшественники жаждали крушения существующего порядка, дабы "строить самим", шли к этому путем расплаты общественных и нравственных устоев, мечтали о воспитании новых поколений, воображающих себя свободными, но лишенными веры и морали. Для Гордона единственно приемлемая форма общественной жизни - это первозданный демонический хаос. "Фанатичный экстаз смерти и уничтожения" становится лейтмотивом романа "Дети Сатаны".

ЛЕРМОНТОВСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО "ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ"

Исследованию приемов цитирования Достоевским лермонтовских текстов посвящены работы В.Е. Холшевникова и М.Г. Гиголова¹. Особый интерес вызывает статья Р.Г. Назирова о реминисценциях и парафразах в "Преступлении и наказании", большая часть которой посвящена вопросам функционирования "лермонтовского элемента" в произведениях Достоевского². Все эти интересные наблюдения пока не сведены в систему. Целью данной работы является поиск и анализ лермонтовских реминисценций на материале одного романа Достоевского. Условно они могут быть разделены на три класса, обозначающие соотношенность с определенной темой: нищеты, убийства, разоблачения властной "демонической" личности.

1. Разговор Мармеладова с Раскольниковым при первой их встрече играет значительную роль в развитии сюжета, он служит введением в глобальную, разрастающуюся в дальнейшем тему нищеты: "Милостивый государь, бедность не порок, это истина... Но нищета, милостивый государь, нищета - порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто"³. Этот монолог можно считать парафразой исповеди лермонтовского Вадима. Но были ли Достоевский знаком с текстом незавершенного романа, который впервые был опубликован только в 1873 году. Выскажем предположение, что писатель, как и в случае с

"Княгиней Лиговской", читал рукопись. В 1858 году в "Атенее" появилось упоминание о романе, следовательно, Достоевский мог заинтересоваться историей нищего времен Екатерины II еще до написания "Преступления и наказания"⁴. Кошвенным доказательством влияния может быть перекрещивание основных сюжетных линий двух романов. Инвариантный ряд образов: "развратник - его жена - их воспитанница - ее брат, "демоническая личность" - идеальный жених", - реализуется у Достоевского в линии Свидригайлова, Марфы Петровны, Дуни, Раскольникова и Разумихина, у Лермонтова же в образах Палицына, Натальи Сергеевны, Ольги, Вадима и Юрия. Вернемся к тексту "Вадима". В начале романа при встрече с нищим калекой герой произносит: "Итак, есть состояние, в котором безобразия не порок"⁵. Отсюда вывод, близкий своим писателям: человек, чье сознание разведено мыслью о нищете, о низменности собственного существования, психологически готов к разрушению любых "преград". Образ нищего становится воплощением зла, порока, разврата, греха всего мира.

Существует традиция соотносить образы старухи-процентщицы и старой графини из "Ликовой дамы" Пушкина. Попробуем расширить круг прообразов. У Достоевского это "... крошечная сухая старушонка... с острыми и злыми глазками... На ее тонкой и длинной шее... навертчено какое-то тряпье, а на пле-

¹ Холшевников В.Е. О литературных цитатах у Достоевского // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. История, яз. и лит., 1960. №8, вып. 2. - С.134-138. Гиголов М.Г. Лермонтовские мотивы в творчестве Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л.Т.6, 1985. С.467-2.

² Назиров Р.Г. Реминисценция и парафраза в "Преступлении и наказании" // Достоевский: Материалы и исследования. Л.Т.2, 1976. С.94-95.

³ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 тт. Т. 6. С.13.

⁴ Меринский А.М. Воспоминания о Лермонтове // Атеней. 1858, //49. С.236-305.

⁵ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4 тт. М., "Художественная литература" 1975: Т.4.

⁶ Альмай М. Видение Германа. Пушкин и Достоевский // Slavica 1930. Т.9. С.792-800; Бем А.Л. Гоголь и Пушкин в творчестве Достоевского. Стражение "Ликовой дамы" // Slavica 1973. Т.13, кн.1. С.82-100.

чак... истрепанная и пожелтевшая меховая кацавейка" (VI, с. 8). Вот описание лермонтовской старухи-нищенки: "... старушка низенькая, сухая, с большим брюхом... полусиний сарафан, составленный из тысячи гадких локмотьев, висел криво и косо... вздернутый нос, огромный рот... ничего не значили в сравнении с глазами нищенки: вообразите два серые кружка, прыгающие в узких щелях, обведенных красными каймами, ни ресниц, ни бровей!" (IV, 193). Алена Ивановна, несмотря на свое богатство, является воплощением нищеты в значении порока: она чужую жизнь заедает (из разговора в трактире). Вадим, в свою очередь, в глазах нищенки прочел целую повесть разврата и преступлений. В обоих случаях мотив для убийства был найден.

2. Тема убийства в произведениях Лермонтова и Достоевского заключает в себе следующие варианты: идейное убийство, непреднамеренное убийство, гибель или возможность смерти от давления лошадьми. Вадим просто отталкивает от себя старуху. При падении она умирает. Он тут же уходит, не замечая содеянного. В этом смысле он - идеал Раскольникова, которому также хотелось "стрихнуть" "вошь" и идти дальше без сомнений. Случайное убийство вводит в произведение мотив рока. Убийство Раскольниковым Лизаветы, не имеющее отношения к его теории, развенчивает как саму теорию, так и ее создателя. Мысль о немощности человеческого разума посещает Вадима, когда вместо неизвестного ему Юрия он убивает ударом по голове кроткого, преданного господам Федосея: "... он понял, что теперь боролся уже не с людьми, но с провидением, смутно предчувствовал, что если даже останется победителем, то слишком дорого купит победу" (IV, 229). Мотив рока актуализируется образом Неизвестного, знающего об убийстве. Принято сравнивать данный образ из "Маскарада" с образом мещанина, говорящего Раскольникову: "Ты убивец". Но в обрисовке фантастических элементов Достоевский ориентировался на тексты "Пиковой дамы", "Штосса", "Тамари". Дополнение портретной характеристики мещанина такими деталями, как "шаркающие туфли", халат, угрюмый взгляд создавало определенные ассоциации с подобными описаниями в отрывке "У граф. В... был музыкальный вечер".

В "Преступлении и наказании" несколько раз повторяется ситуация, когда герой рискует быть раздавленным лошадьми. Раскольников чуть было не сделался жертвой собственной рассеянности. "Задавлен бедностью": это первое, что мы узнаем о герое в начале романа. Его своеобразный двойник Мармеладов самым трагическим образом погибает, раздавленный экипажем одного значительного лица. В черновиках романа сохранилась запись, согласно которой Катерина Ивановна бросает 10 рублей "в рожу" господину, раздавившему ее мужа и, вероятно, оскорбившему их достоинство (VII, 155). Подобная ситуация типологически близка к завязке "Княгини Лиговской". Чиновник Красинский, попавший под тройку Печорина, становится его злейшим врагом, долго и страстно разжигает свою ненависть. И у Лермонтова, и у Достоевского данный эпизод означает причастность героя к миру зла, любо-

вания пороком непростения. "Канювы" сомнения подавляются той же бессловесной инстинктивной силой терпения, которой и вызван. Каждая подобная ситуация оценивается как предупреждение. Достоевский не мог рассчитывать на сознательную апелляцию читателя к тексту Лермонтова ("Княгиня Лиговская" была опубликована в 1882 году), но в его сознании могла сформироваться устойчивая связь между эпизодом "давления" и образом демонической, бунтующей личности, что отразилось "Бесах"¹.

В наиболее известных произведениях Лермонтова ("Герой нашего времени", "Маскарад" частично заложены основные проблемы "Преступления и наказания". Вспомним исповедь Печорина: "... я увлекся примаанкой страстей пустых и неблагодарных. И с тех пор сколько раз уже играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы всегда без сожаленья" (IV, 117). Роль палач избранный исключительно по причине прихоти страстей, не приносит ничего, кроме душевного опустошения. Это ли не мысль Достоевского. "Маскараде", напротив, кроется психологическая мотивировка отказа от желаемого убийства. Замысел Арбенина убить Князя Звездича в его спальне завершается следующим монологом: "Не могу! Да это свыше сил воли!.. Я изменил себе, я задрожал. Впервые всю жизнь... Беги, красней, презренный человек. Тебя, как и других, к земле прижал не век. Ты пред собой лишь хвастался, как выно"... (III, 66).

3. В третьей редакции романа, раскрыв основную идею, Достоевский писал: "В образе выражается мысль непомерной горсти, высокомерия и презрения к этому обществу... В художественном исполнении не забыть что ему 23 года" (VII, 154). Двадцать три года было лермонтовскому Печорину. Разумно характеризует Раскольникова следующим образом: угрюм, надменен, ипохондрик, любит высказывать своих чувств, иногда уж но неразговорчив, в нем два противоположных характера поочередно сменяются. Все это можно отнести к многим героям Лермонтова (Печорину, Арбенину, Вадиму).

Необычная переменчивость характера, склонность к демоническому хохоту - это черты, которыми в "Дневнике" Достоевского охарактеризован сам поэт: "Он мстил и прощал, он писал и хохотал - был великодушен и сщопон... Он нас как бы мистифицировал (XX, 58-59). В описаниях Раскольникова копируют те же черты: неподвижность, сменение резко сменяется нервным хохотом. символ поясняет эту особенность следующим образом: "... в большом заметна какая-то подвижная мысль, что-то обличающее монюнию" (VI, 159). Лермонтов мотивирует такое состояние глубоким внутренним страданием. Его герои часто подчинены одной всеглошающей идее, например, Вадим имел идею над которой одна единственная мысль могла приобретать неограниченную власть, Арбе-

¹ Велагин А.П. Читал ли Достоевский "Княгиню Лиговскую"? // Достоевский: Материалы и исследования. Л.Т.З., 1978. С. 20-209.

из "Странного человека" часто чувствовал, что одна единая мысль владела его существом.

Необходимость страдания как основного закона нашей планеты - основная мысль "Преступления и наказания". В разговоре с Разумихиным и Порфирием Петровичем Раскольников утверждает: "Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди... должны ощущать на свете великую грусть" (VI, 203). Достоевский особо выделит, что все это было сказано задумчиво, "даже не в том разговоре". Отрывок воспринимается, как чужой, уже знакомый читателю текст. Вспомним: "... спокойствие часто признак великой, хотя скрытой силы, душа, страдая и наслаждаясь, дает во всем себе строгий отчет и убеждается в том, что так должно... Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие божие" (IV, 92). Комментируя этот монолог Печорина, В.Г.Белинский охарактеризовал путь к истине, как путь через аравийскую пустыню. В романе данный образ встречается дважды и оба раза в связи с лермонтовским контекстом. Р.Г.Назирова выделит аллюзию на "Три пальмы" в начале романа (соп. Раскольникова) и цитирование лермонтовского "Сна" ("в полдневный жар") Катериной Ивановой в конце. Крестный путь семьи Мармеладовых, как и в случае с мотивом "задавления лошадами", отзеркаливается в судьбе Раскольникова. Но этот ряд двойников в данном случае дополняется литературными предшественниками. Идиллический соп. Раскольникова в момент "до убийства" осложняется трагической ассоциацией с комплексом мотивов "Трех пальм": взаимоотношения человека с окружающим миром, довление родового греха, грех ропания, жалоба на судьбу.

В монологе Печорина "А ведь есть необъяснимое наслаждение в обладании молодой, едва распутившейся души!" значительная роль отведена описанию страстей: "Страсти не что иное, как идеи при первом своем развитии"

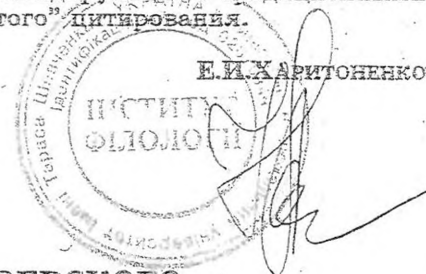
(IV, 92). Раскольников - идеолог. Но в романе у него есть двойник, всецело преданный страстям. Это Свидригайлов. В своих рассуждениях о природе разврата он отчасти напоминает Печорина, но скорее, он его оппонент. Этот образ создает прочные аллюзии на лермонтовский "Маскарад", но близок он не Арбенину, а его тайному врагу, Неизвестному: "Это было какое-то странное лицо, похожее как бы на маску". На вопрос Раскольникова, игрок ли он, Свидригайлов отвечает: "Нет, какой я игрок. Шулер - не игрок". Этот диалог - обыгрывание текста Лермонтова. Во-первых, он шаржирует заявление Арбенина: "Я - игрок!" в ответ на вопрос, демон ли он, или человек. Во-вторых, он ассоциируется с мотивом "брошенной и невозвращенной перчатки": Арбенин, желая отомстить, бросает князю Звездичу обвинение: "Вы - шулер" и оставляет противника без удовлетворения.

Анализ функционирования чужого текста в произведениях Достоевского часто выявлял склонность писателя к произвольному пользованию сюжетами, деталями, а также к "перетолковыванию" образов. Лермонтовские реминисценции, аллюзии, парафразы, цитаты в "Преступлении и наказании" выполняют иную смысловую нагрузку. Результатом анализа могут быть следующие выводы:

- Достоевский часто выступал как преемник Лермонтовских тем, мотивов, идей; творчество Лермонтова - один из наиболее авторитетных претекстов Достоевского;

- героев Лермонтова и Достоевского связывают сложные отношения двойничества, причем такие отношения устанавливаются в связи с совершенно определенными сюжетными решениями;

- между текстами Достоевского и Лермонтова устанавливаются отношения прямого диалога, корреспондирующие с традиционными схемами "скрытого" цитирования.

ДВА РОМАНА - ДВА ЛИКА ДОСТОЕВСКОГО

Роман-исследование Б.И.Бурсова "Личность Достоевского", авторские даты создания которого относятся к 1968-1973 годам, и исторические записки И.Л.Волгина "Последний год Достоевского", первое издание которых вышло в 1986 г., - два произведения середины XX века как бы подводят итог развития всей европейской и русской художественной, научной и философской литературы о жизни и творчестве писателя и очень сложного по душевному складу человека. Созданные на историко-документальной основе, объединенные авторским чувством любви и восхищения художественным гением русского писателя, стремясь

к выяснению максимально объективной истины в познании и объяснении Ф.Достоевского, эти тем не менее дают разную трактовку его личности и судьбы. И этим интересны обе книги для каждого читателя: для тех, кто увлекается его произведениями, и для тех, кто отвергает их, ровно как и для тех, кто хочет постичь его искусство и глубину его творческого прозрения, так и для тех, кто просто надеется узнать для себя что-то новое о его духовной биографии.

Б.И.Бурсов пишет: "Достоевский был суеверен...", "Достоевский нашел в Евангелии, в этой "вечной книге" то, к чему был уже подготовлен... Он был нетерпелив. Хотел опередить время, вырвать тайну у будущего... Он вступал в соседство с неизвестностью, с неразгаданным будущим, с судьбой. Но часто готов был опустить руки от

¹ Бурсов Б.И. Избранные работы. Л., 1982, т.2; Волгин И.Л. Последний год Достоевского. М., 1991. Далее страницы указаны по этим изданиям.

**Русский язык
и литература в
учебных заведениях**
3/1996
ноябрь - декабрь

**Научно-методический
журнал**

Свидетельство о государственной
регистрации Серия КВ №1416

УЧРЕДИТЕЛЬ:

издательство "Этносфера"

Индекс 74655

Периодичность - 6 номеров в год

Адрес для корреспонденции:

252053, Киев - 53, а/я 108

(издательство "Этносфера")

Контактный телефон: 276-88-29

Редакционная коллегия:

Ю.Л.Булаховская

В.И.Гончаров

Ю.И.Корзов

Г.В.Крюкова

А.В.Ляшенко (литредатор)

Н.А.Мирошникова

Л.Ф.Мирошниченко

Н.Г.Озерова

Н.Н.Пилинский

Н.П.Романова

Е.С.Свитко

Н.С.Хоменко

Ю.Л.Яворская (главный
редактор)

Выпуску журнала
содействовали:

Межэтническая педагогическая
ассоциация Украины

Институт педагогики АПН
Украины

© "Русский язык и литература в
учебных заведениях"

СОДЕРЖАНИЕ

Русское образование в Украине:

проблемы образования, проблемы литературы

ШУЛЬГА Н.А. Нормы образовательных прав
национальных меньшинств в международно-
правовых документах 1

К 175-летию со дня рождения

Ф.М.Достоевского

ЗАЯРНАЯ И.С. "Достоевский и XX век" 5

ХАРИТОНЕНКО Е.И. Лермонтовские реминисценции в
романе Ф.М.Достоевского "Преступление и наказание" . . . 9

ЛЯШЕНКО А.В. Два романа - два лика Достоевского . . . 11

АРТЫКУЦА Н.В. Глаголы чувства в языке
произведений Ф.М.Достоевского. 13

СВЕРБИЛОВА Т.Г. Рецепция библейской книги
Иова в романе "Братья Карамазовы" 16

АРТЫКУЦА Н.В. "Достоевский и славянский мир". . . 18

КОРНИЕНКО О.А. Мысли, высказывания и афоризмы
Ф.М.Достоевского 19

ГУВЕНКО А.В. Достоевский и Ницше 20

**Изучение творчества писателей: новые
аспекты**

САХАРОВА О.В. А.С.Пушкин в кругу друзей и
недрузгов 23

ОХРИМЕНКО О.П. Импрессионизм в поэзии А.Фета . . . 26

В творческой мастерской

ХОМЕНКО Н.С. Учет интерференции при изучении
синтаксиса русского языка 28

НАДТОЧИЙ Е.Д. Алгоритмы при изучении правил
орфографии в 5-м классе 30

КОРНИЕНКО О.А. Четыре урока по Достоевскому
Урок первый 31

Урок второй 33

ДАВЫДЕНКО В.И. Изучение оценочных слов на уроках
русского языка 36

Из истории слов

СТАСТЬ Т.В. История слова лукъ (лука) - луг 38

Анализ художественного текста

ПШЕНЮК Н.А. Перечитаем Белинского 40

Приглашаем в дискуссии

МЕСЯЦ Н.К. Русский язык в общеобразовательной
школе: размышления о программе обучения 43

К 105-летию со дня рождения

О.Э.Мандельштама

КИСЕЛЕВА Л.А. Осип Эмильевич Мандельштам . . . 45

